
DOI 10.35775/PSI.2024.36.2.003

УДК 32

А.В. ЛОМТЕВ

кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии Института истории и политики
Московского педагогического государственного
университета, Россия, г. Москва

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ КЕМАЛИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кемализм служил официальной идеологией Турции со времени основания республики в 1923 году до начала 2000-х годов. Утратив позиции идеологии гегемона, кемализм еще пытается сохранить свое значение даже при правлении консервативных партий, в том числе Партии справедливости и развития (ПСР), которая известна своей анти-кемалистской позицией. В рамках взаимосвязи между религией и государством с точки зрения секуляризма Турции существующая реальность в Турции характеризуется как трансформация от исламизма к постисламизму. Вместе с тем, и устоявшаяся кемалистская парадигма стала постепенно меняться и обновляться изнутри.

Ключевые слова: кемализм, политический ислам, исламизм, Турецкая Республика, Ататюрк.

Республиканская Турция остается страной с важным геостратегическим положением и богатым историческим прошлым и настоящим. За последние десятилетия Турция настолько развила свою экономику, что «вступила в 21 век в качестве одной из самых развитых стран».

Официальная доктрина государственного устройства Турецкой Республики, известная как кемализм, основана на принципах, введенных Кемалем Ататюрком, основателем Республики и великим реформатором.

Историческое развитие современной Турции тесно связано с фигурой Мустафы Кемаль Ататюрка (1881-1938), поскольку он управлял страной в самые трудные годы (1918-1923) и по праву считается основателем республиканской Турции.

Феномен Ататюрка объясняется тем, что он был одновременно военным, защитником религии, государственным деятелем и революционером [10. С. 295]. Этот неординарный персонаж в значительной степени повлиял на становление Турции как современной страны. Его принципы, известные как кемализм, являются основой турецкой республиканской государственности.

Вместе с тем, в свете проводимой правящей Партией справедливости и развития (ПСР) анти-кемалистской политики [4], многие противники кемализма придерживаются позиции, что кемализм – это не идеология. Они утверждают,

что идеи, представленные в кемализме, слишком гибкие, слишком непоследовательные и/или слишком прагматичные. Анти-кемалисты, которые также выступают за идеологию, утверждают, что эти два элемента несовместимы. Многие кемалисты сами считают кемализм не идеологией. Один из ранних кемалистов Реджеп Пекер и другие политики утверждали, что кемализм черпал вдохновение непосредственно и целиком из жизни [12. С. 87]. Несмотря на аргументы, пропагандирующие кемализм как ряд практических мер политики, специалисты продолжают называть кемализм идеологией. Акцент, делаемый на гибкости и прагматизме, только помогает утвердить его в таком качестве [7. С. 347].

Кемализм основывается на «принципах Ататюрка», которые также упоминаются в Конституции Турции: республиканизм (Кумхуриетчилик), популизм (Халкчилик), лаицизм (Лайклик), революционизм (Девримчилик), национализм (Миллиетчилик) и этатизм или государственный социализм (Девлетчилик).

Кемализм был систематизирован Мустафой Кемалем на Четвертом конгрессе правящей Республиканской народной партии (сокращенно РНП) в 1935 году, когда шесть принципов были признаны главными принципами РНП и турецкого государства. Несмотря на то, что среди приверженцев кемализма существуют различные толкования, эти 6 принципов считаются основополагающими, с которыми кемалисты единогласно согласились. Хотя кемализм начинался как набор принципов благого управления, в итоге они укрепились как идеология в сочетании с культом лидерства, окружавшим Мустафу Кемалю [17].

Идеология кемализма была встроена в государственную философию Турции. Турецкие специалисты отмечают, что «визуальный символизм» стал значительной частью культа Ататюрка [13]. Так, до недавнего времени можно было легко увидеть «вездесущность образов Ататюрка» (как «отца турок») повсюду в общественной сфере, от больниц до школ, от частных предприятий до улиц.

Кульм Ататюрка был первоначально создан в 1930-х годах, когда Ататюрк был еще жив. Например, первые примеры статуй /монументов по всей Турции поощрялись самим Ататюрком, поскольку он явно зарекомендовал себя как неоспоримый лидер, которого называли «вечным вождем» (эбеди шефом) даже при его жизни. Установление культа личности Ататюрка было завершено его последователями (включая турецкие вооруженные силы, которые являются ярыми защитниками кемалистской идеологии) после его смерти [19].

Что касается идей, формирующих мысли Ататюрка, то, например, А. Инсел предположил, что преобладающей характеристикой кемализма на самом деле является «авторитаризм» [8]. По его мнению, идеальной политической системой для кемализма является «авторитарная демократия», которая продвигает дисциплинированное и упорядоченное общество, ожидающее безоговорочного подчинения государственной власти, принимающее понимание ограниченной свободы при абсолютной власти государства. г. Уяр также подчеркнул важность «авторитаристской» черты всех существующих версий кемализма [15]. Более того, К. Чандар добавил еще один момент, подчеркивая вдохновляющий феномен кемализма: «В своем секуляризме (и в своем государственном управлении

в целом) Ататюрк и кемалистские элиты находились под сильным влиянием французских идей, особенно идей французского революционного якобинства» [5. С. 4]. А. Инсел также считает, что Французская революция и якобинство сильно повлияли на кемализм во многих отношениях [8]. В этом плане получается, что кемалистский проект модернизации представлял собой довольно «авторитарную» и «якобинистскую» модель, которая считала «трансформацию сверху вниз» решающей для изменения общества.

О новых идеологических веяниях заявил Илкера Айтюрк, который в своей научной работе под названием «Пост-посткемализм: в ожидании новой парадигмы», опубликованной в *Birikim* в 2015 году [1], положил начало дебатам среди ученых, работающих над вопросами турецкого общества и новейшей истории (Айтюрк 2019; Туран 2019; Чинар 2020; Кекер 2020; Айтюрк 2020) [2; 3; 6; 9; 14].

Постмодернистская мысль с ее скептицизмом по отношению к современности, которую она рассматривала как совокупность грандиозных нарративов и проектов, уничтожающих личность, не смогла бы положительно оценить такой проект государственного строительства, как кемализм. Кемалистский монолитный национальный нарратив Турции 1980-х годов сменился новой, мультикультурной и многоязычной местной перспективой, которая подчеркнула этническое и конфессиональное разнообразие страны, что можно назвать началом политики идентичности в Турции.

С тех пор как их отголоски достигли Турции, такие важные тенденции как глобализм, коммуникационная революция и неолиберализм, сошли на нет в кемалистском национальном государстве. Несмотря на то, что каждая тенденция приводила к совершенно разным результатам, их совокупный эффект дал усиление центробежных сил и укрепление посткемалистской парадигмы.

Если перейти с международного уровня на региональный, то становится очевидным, что региональные события привели к тем же результатам, в частности неопределенность в отношении того, что станет с региональной ролью Турции после распада Советского Союза, разжигание споров о внутренней идентичности, требование курдского народа о праве на самоопределение, возникшее в условиях хаоса, оставленного на Ближнем Востоке Первой и Второй войнами в Персидском заливе.

Посткемалистская эпоха охватывает период после 1980-х, набравший обороты в 2000-х годах в связи со стремлением Турции к членству в Европейском союзе и, в конечном итоге, прекратившийся после попытки государственного переворота в 2016 году. Эта эпоха стала свидетелем ключевой роли «круглых столов», «дискуссионных групп», «журналов» и «конференций» в турецком контексте. Эти платформы служили важными посредниками, объединяя голоса представителей различных идеологических, культурных и религиозных кругов. Они сыграли важную роль в объединении правых и левых, светских и мусульманских, курдских и армянских голосов, обеспечив пространство для социального взаимодействия и изменив самопонимание турецкого общества.

Движение гези, произошедшее в мае 2013 года, называется типичным примером государственной деятельности и коллективного творчества в создании альтернативных способов построения общества [11]. Оккупация парка Гези ознаменовала новое осознание необходимости защиты окружающей среды и свобод в общественной жизни. Городское планирование на макроуровне, которое привело к конфискации общественного достояния частным капиталом, и социальная инженерия общественного порядка, которая привела к вторжениям и ограничениям светского образа жизни, завершились отказом от «благочестивого капитализма», пропагандируемого и проводимого в жизнь правительством ПСР, как религиозного, так и неолиберального. Вопреки модели уступчивого потребительского гражданства, обитатели парка создали альтернативные способы коллективной жизни. В отличие от посткемалистского поколения интеллектуалов, которые оставались в сфере общественных дебатов и идей, движение Гези присвоило физическое пространство, превратив парк в общественную сцену для альтернативных способов общения тех, кто не соответствовал национальному религиозному нарративу.

Новое поколение активистов, в основном из среды со светским габитусом, не были представителями кемалистских поколений своих родителей и не соответствуют посткемалистским идеологиям светских левых. Тем не менее, Гези воплотило экосистему плюралистической общественной культуры, в которой были преодолены различия между светским и религиозным, турецким и курдским народами, как физическое воплощение посткемалистского общественного пространства [11].

Если посткемализм оживил мейдан (городскую площадь) дискурсивными практиками, то Гези продемонстрировал визуальные и перформативные формы гражданства, принятые в мейдане.

Жестокие репрессии против движения Гези и закрытие мейдана ознаменовали изменение политического климата и поворот к авторитарности в Турции, положив конец демократическим устремлениям. После попытки государственного переворота 15 июля 2016 года плюралистическая экосистема общественной культуры была демонтирована, активисты гези, включая посткемалистов, были дискредитированы, репрессированы, криминализированы и объявлены врагами режима.

Так или иначе, устоявшаяся кемалистская парадигма стала постепенно меняться и обновляться изнутри, и эта динамика стала возможной благодаря нарушению табу посткемализмом [11]. Народно-республиканская партия под руководством Кемаля Кылычдароглу не только воздерживается от акцентов на религиозных проблемах и ведет диалог о примирении с религиозными консервативными социальными группами, но и стала ведущей силой в формировании беспрецедентной коалиции между различными политическими партиями, в том числе консервативными, выступающими против правления ПСР. Авторитарный поворот политической власти, проводимый ПСР, в итоге создал новые формы опеки над государством.

Болеетого, пока явное большинство в турецком обществе не хочет возвращения к поддерживаемой Западом светской националистической элите, которая существует в большей части арабского мира и существовала на протяжении большей части истории Турецкой республики. Об этом свидетельствовали результаты выборов президента в мае 2023 года. Вступивший на новый срок Р. Эрдоган продолжил свою линию, несмотря на авторитарный стиль управления и ошибки в проводимой им экономической политике.

Специалистами признается, что с 2014 года «новая Турция» стала одним из популярных лозунгов ПСР, воплощающим ее политический проект по переосмыслению нации и государства. Вместе с тем, критики утверждают, что после турецкого референдума в 2017 году ни одно из этих достижений не является устойчивым, и траектория турецкой политики неопределенна. За последние два десятилетия под руководством Эрдогана стало ясно, что западная модель «либеральной демократии», вероятно, станет не конечным пунктом путешествия Турции, а лишь одной из многих возможных остановок [18. С. 37]. Более того, при правительстве ПСР, многообещающая «турецкая модель» превратилась в авторитарное правление в рамках нелиберальной демократии.

Авторитаризм Р. Эрдогана признается не новым типом политического ислама, а национализмом старой школы в сочетании с нелиберальной демократией, как это видно, например, в Индии. Однако рост авторитаризма и нелиберальной демократии создает дополнительные, специфические опасности для будущего конституционного либерализма и его последствий для республиканства в Турции. Таким образом, основная проблема, связанная с ростом нелиберальной демократии и авторитаризма в Турции, связана не с религиозной и националистической (исламо-националистической) напряженностью, а скорее с природой республиканизма в турецком контексте.

Важным парадоксом так называемой «новой» Турции является понятие республиканизма. Курдский лидер М. Аббас выдвигает свои аргументы, основанные на турецкой исключительности, проистекающей из уникального сочетания этнического национализма и исламизма. Успех трех последовательных периодов пребывания ПСР у власти является свидетельством не только ее популярного прагматизма, сочетавшего турецкий национализм с исламом, но и ее перехода к постисламизму. В турецком контексте идея постисламизма выходит за рамки понятия чисто исламской системы управления. Постисламизм включает в себя светские и либеральные представления о демократии [16. С. 54].

Благодаря конституционным изменениям, инициированным последним референдумом, правление ПСР под руководством Р. Эрдогана бросает вызов не только кемалистской идеологии, но и конституционному либерализму. Как подчеркнул Ф. Закария: в странах, не основанных на конституционном либерализме, подъем демократии часто влечет за собой гипернационализм и разжигание войны. Когда политическая система становится открытой, различные группы с несовместимыми интересами получают доступ к власти и выдвигают свои требования [18. С. 22]. Так, борьба ПСР за власть привела к более агрессивной

риторике и политике по отношению к внутренним врагам государства – курдам и гюленистам – сопровождавшейся ростом турецкого гипернационализма и постисламизма [16. С. 112].

Вместе с тем, вызывает интерес вопрос как развиваются националистические нарративы в контексте процесса демократизации Турции при правительстве Р. Эрдогана и ПСР. ПСР уходит своими корнями в традиционные исламские турецкие обычаи, которые переплетаются с турецким национализмом. ПСР, казалось, пыталась подчеркнуть, что ислам – это система, которая не может быть отделена от Турции таким же образом, как национализм.

Способность ПСР выживать и процветать также объясняется ее способностью поддерживать турецкий национализм в рамках своей основной ценности при осуществлении контроля над правительством. ПСР было бы невозможно сохранять свою популярность в течение последних двух десятилетий без их способности включать национализм в свою политику.

Поскольку ислам является вторым элементом, сопровождающим национализм, ПСР пытается указать на то, что концептуальные отношения между «тюркизмом» и «мусульманством» не являются конфликтными. Вместо этого ислам занял в Турции иное положение. ПСР утверждает, что ислам и мусульманство лежат в основе турецкой национальной идентичности, и их не нужно отодвигать на второй план в дебатах о «турецкости», которое было до 2002 года. Государство и религии больше не противопоставляются друг другу.

ПСР открыто не выступает против секуляризма, но она постепенно трансформировала то, как интерпретируется секуляризм в Турции. Отстаивание «справедливости» и «прав человека» является рациональным выбором ПСР для предоставления возможностей религиозному самовыражению в общественной жизни, что ранее было проблемой в современной истории Турции. Специалисты утверждают, что ПСР никогда не была ни кемалистской, ни антисекуляристской. Вместо этого ПСР была происламской партией, но не исламистской партией. ПСР верила, что ислам станет подлинной системой для Турции и является корнем турецких исламистских традиций. Однако нельзя отрицать, что то, что разработала ПСР, было формой исламского национализма [6].

Выводы. Кемализм пока по-прежнему имеет ценностный характер для турецких граждан. В рамках взаимосвязи между религией и государством с точки зрения секуляризма Турции существующая реальность в Турции характеризуется как трансформация от исламизма к постисламизму. Вместе с тем, и устоявшаяся кемалистская парадигма стала постепенно меняться и обновляться изнутри.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1.	Abdullah	Gül	//	https://tr.wikipedia.org/wiki/Abdullah_G%C3%BCl#:~:text=24%20A%C4%9Fustos%202007%20

- tarihinde%20yap%C4%B1lan,T%C3%BCrkiye%20Cumhuriyetinin%2011.%20cumhurba%C5%9Fkan%C4%B1%20se%C3%A7ildi.
2. **Akça İ.** 1980 Sonrası Türkiye’de Hegemonya Projeleri Ve Otoriterizmin Değişen Biçimleri’, in Yeni Türkiye’ye Varan Yol Neoliberal Hegemonyanın İnşası, ed. by İ. Akça, A. Bekmen and B.A. Özden. 2018. İstanbul: İletişim Yayınları.
 3. **Aysun Akan.** Windscreens as sites of competing Turkish nationalisms: Kemalists vs. Islamists Izmir University of Economics // Studies on National Movements. 2023. № 11.
 4. AKP döneminde 20 grev yasaklandı // Evrensel, 13/12/2022 // <https://www.evrensel.net/haber/476869/akp-doneminde-20-grevyasaklandi>.
 5. **Çağaptay S.** Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey. Who Is a Turk? 2006, London: Routledge.
 6. **Demiriz Sara-Marie.** Kemalism – The Turkish Model of a Secular Republic, in: European History Online (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2023-07-24 // <https://www.ieg-ego.eu/demirizs-2019-en> URN: urn:nbn:de:0159-20230627104411695-7175732-8.
 7. **Ercifci A.** The Question of National Identity in Turkey: Reflections on Tv Series as Popular Cultural Products’ (MA Thesis, Izmir University of Economics Graduate School of Social Sciences. 2018.
 8. **Girgin O.** Yeni Türkiye’nin Ana Aktörü Akp İktidarının Politikaları’, in Yeni Türkiye’nin Toplumsal Yapısı, ed. by İ. Kaya. 2016. Ankara: İmge Kitabevi Yayınları.
 9. Hanioglu. Atatürk. An Intellectual Biography. Princeton: Princeton University Press, 2011. XVI.
 10. **Hillel F., Lewis L.** Erdogan’s Grand Vision: Rise and Decline’ // World Affairs. 2013. № 175/6.
 11. **Hobsbawm E., Ranger T.** Invention of Traditions. Cambridge, 1983.
 12. **Hoffman M., Werz M., Halpin J.** Turkey’s New Nationalism Amid Shifting Politics Further Analysis of Polling Results’, Center for American Progress. 2018.
 13. **Kabasakal M.** Deparliamentarization in Turkey: A Major Decline in the Scrutiny Function’, International Journal of Political Science & Urban Studies. 2019. № 7/1.
 14. **Kreiser K.M.** Geschichte der Türkei. 2012.
 15. **Plaggenborg S.** Ordnung und Gewalt. Kemalismus- Faschismus- Sozialismus. 2012. München; Oldenburg Verlag.
 16. **Solomonovich N.** Democracy and National Unity Day in Turkey: The Invention of a New National Holiday’, New Perspectives on Turkey. 2021. № 64.
 17. **Ural H.** Affective Intensities of Polarisation: The Making of the Islamist/Secularist Divide through Articulations of News Media in Turkey’, Critical Discourse Studies. 2022 // <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2087703>.
 18. **White J.** Muslim Nationalism and the New Turks. 2012. New Jersey: Princeton University Press.
 19. **Yaman Z.Y.** Siyasi/Estetik Gösterge Olarak Kamusal Alanda Anıt Ve Heykel’, METU JFA. 2011. № 28/1.

20. **Yeşil B.** Media in New Turkey: The Origins of an Authoritarian Neoliberal State. 2016. Champaign: University of Illinois Press.
21. **Zürcher E.J.** Turkey: A Modern History, Revised Edition. 2012.

A.V. LOMTEV

Ph.D. (Candidate of Political Sciences),
Associate Professor at the Department of
Political Science of Institute of History and Policy
of Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

THE IMPORTANCE OF THE IDEOLOGY OF KEMALISM IN THE MODERN POLITICAL PROCESSES OF THE TURKISH REPUBLIC

Kemalism served as the official ideology of Turkey from the time of the founding of the republic in 1923 until the early 2000s. Having lost the position of the hegemon ideology, Kemalism is still trying to maintain its importance even under the rule of conservative parties, including the Justice and Development Party (AKP), which is known for its anti-Kemalist position. Within the framework of the relationship between religion and the state, from the point of view of Turkish secularism, the existing reality in Turkey is characterized as a transformation from Islamism to post-Islamism. At the same time, the established Kemalist paradigm began to gradually change and be updated from the inside.

Key words: Kemalism, political Islam, Islamism, Republic of Turkey, Ataturk.